

ИДЕЯ СВОБОДЫ В ЭТИКЕ В.С. СОЛОВЬЕВА

Оксана Анатольевна Запека —

кандидат философских наук, профессор,
Институт славянской культуры,
Российский государственный университет
имени А.Н. Косыгина,
Хибинский проезд, 6, Москва, Россия, 129125.
zana5@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема свободы в контексте философии всеединства В.С. Соловьёва. В его системе свобода представляется условием достижения положительного всеединства. Тема свободы приобретает особое значение, когда философ оказывается во власти идеи теократии. В работах разного периода В. Соловьёв по-разному оценивает статус и назначение свободы. В «Чтениях о богочеловечестве», «Критике отвлеченных начал», «Духовных основах жизни» В. Соловьёв признает свободу выбора, являющуюся одним из моментов нравственной свободы. Человек представляется как безусловно сущее, самостоятельный субъект, настоящая причина всех своих дел и состояний. Соловьёв считает, что человеку необходим действительный опыт, позволивший бы ему «оценить» добро, тем самым допускается зло как этап на пути нравственного совершенствования человека. В «Оправдании добра» Соловьёв не исключает безусловную свободу, но она может проявиться, по его мнению, только в выборе зла, добро же не является предметом такого выбора по причине бесконечной полноты своего содержания. Соловьёв отвергает прямую зависимость вопроса этического от вопроса метафизического и не признает, как в «Критике отвлеченных начал», зависимости осуществления нравственного начала в человеке от свободного выбора.

Ключевые слова

Свобода, всеединство, богочеловечество, личность, В.С. Соловьёв, теократия, выбор, добро.

THE IDEA OF FREEDOM IN VLADIMIR SOLOVYOV'S ETHICS

Oksana A. Zapeka —

Ph.D., Professor,
Institute of Slavic Culture,
Kosygin Russian State University,
Khibinsky Proezd 6, Moscow, Russia, 129125.
zana5@yandex.ru

Abstract

The article deals with the problem of freedom in the philosophy of unity of Vladimir Solovyov. In his system, freedom is a condition for achieving positive unity. The theme of freedom acquired special significance when the philosopher explored the idea of theocracy. In the works of different periods, V. Solovyov evaluates the status and purpose of freedom differently. In “Readings about bogochelovechestvo”, “Criticism of

the abstract beginnings”, “The Spiritual foundations of life” Solovyov acknowledges the freedom of choice, which is one of the moments of moral freedom. A person is presented as an unconditional, independent agent, the real cause of all his Affairs and States. Solovyov believes that a person needs a real experience that would allow him to «evaluate» good, thereby allowing evil to be a stage in the path of moral perfection of a man. In “Justification of good” Solovyov does not exclude unconditional freedom, but it can manifest itself, in his opinion, only in the choice of evil, good is not the object of such a choice because of the infinite completeness of its content. Solovyov rejects the direct dependence of the ethical aspect on the metaphysical one and does not accept, as in “Criticism of abstract principles”, the dependence of the moral principle in a person on free choice.

Keywords

Freedom, unity, ethical perfectionism, the personality, Vladimir Solovyov, theocracy, good, choice, God-manhood.

Характерная черта всего оригинального русского философского творчества — стремление к цельности как должному и искомому состоянию мира и человека. Оно прежде всего ориентировано на проблемы нравственного порядка, его отличает ярко выраженный этикоцентризм. Русская философия не противостояла рациональному, но лишь устанавливала границы его «могущества», будучи обращена к высшим духовным потенциям человека. Ее представителей всегда отличала особая «погруженность» в так называемые «вечные вопросы», к которым можно отнести и тему свободы, принадлежащую к числу приоритетных для русской философии. Самое учение о свободе как основе христианства, разрабатывавшееся большинством русских мыслителей, связывалось с учением о единстве всех сил человеческого духа.

В системе В.С. Соловьева свобода, не обладая конститутивным признаком, рассматривается как условие (средство достижения) положительного всеединства — основополагающего принципа этой системы. В.С. Соловьев намеревался отвести значительную часть теоретической философии исследованию о свободе, хотя замысел свой он воплотить так и не успел¹.

Известно, какое огромное влияние на формирование философских взглядов Соловьева оказали учения Спинозы, Канта, Шеллинга, Шопенгауэра, мистическая литература (прежде всего Каббала). Но немалая роль в становлении миросозерцания Соловьева принадлежит его соотечественникам, в числе которых Хомяков, Киреевский, Достоевский, Федоров. Так, синтез божеского и человеческого, осуществляемый в системе Соловьева, достигаемая в результате этого синтеза полнота заключают в себе, по верному замечанию кн. Е.Н. Трубецкого, самую «сущность церковного идеала Хомякова».

¹ См.: Гессен С.И. Борьба утопии и автономия добра в мировоззрении Ф.М. Достоевского и Вл. Соловьёва // Современные записки. Париж: Я. Поволоцкий, 1931. № 46. С. 345.

В творчестве Соловьёва различают несколько периодов, с учетом этого надлежит подходить и к суждениям Соловьёва о свободе. Е.Н. Трубецкой связывает отношение Соловьёва к проблеме свободы с тем, какое место или какое значение придается теократической идее в его построениях. В период, когда духом Соловьёва овладела идея свободной теократии, начало свободы было выдвинуто на первый план. Царство Божие, как полагает автор концепции всеединства, не может быть осуществлено насильственным путем; человек должен свободно соединиться с Богом, иначе не осуществится Богочеловечество, предполагающее в качестве своего основного условия свободу, которая, в свою очередь, обуславливает нравственное совершенство человека, достигаемое в таком союзе.

Восстановление единства божеского и человеческого совершится свободно, но достижению этого нового единения неизбежно предшествует этап самоутверждения человеческого начала. По мнению Соловьёва, следует различать самоутверждение, как стремление к исполнению присутствующего в человеке божественного образа, и самоутверждение, как стремление к реализации «темной» или «ночной» стихии, что грозит погружением в натуральный миропорядок и может привести к торжеству конечности и временности в человеческой природе, к утрате внутреннего единства. Выбор, перед которым стоит человеческая личность, предполагает познание или испытание обеих возможностей, в противном случае его нельзя считать свободным, и он потеряет всякий смысл. Воссоединению божеского и человеческого предшествует прохождение человеком пути зла или испытание им опыта зла, поскольку в противоположении злу утверждается сила добра, его ценность и значимость; не «изздав» зла, человек не узнает добра, не осознает безусловной полноты содержания последнего, к которой только можно и должно стремиться человеческой личности в силу присущей ей божественной безусловности. Познав зло, человек либо остается на его путях, либо обращается к добру, открывающемуся в Божестве, тогда соединение с высшим явится результатом свободного избрания, «свободного дела, подвига, и подвига двойного — самоотвержения божеского и человеческого; ибо для истинного соединения или согласования двух начал необходимо свободное участие и действие обоих»². «В “Чтениях о богочеловечестве”, “Критике отвлеченных начал”, “Духовных основах жизни” В. Соловьёв признает свободу выбора, являющуюся одним из моментов нравственной свободы или одной из форм ее проявления, благом и условием для высшего, то есть сознательного соединения с Божеством»³.

Гессен усматривает прямую связь между последним творением Достоевского «Братья Карамазовы» и системой философии Соловьёва, изложен-

² Соловьёв В.С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 3. СПб., 1911–1914. С. 167.

³ Булгаков С.Н. Что дает современному сознанию философия Вл. Соловьёва? // От марксизма к идеализму. СПб., 1903. С. 207.

ной в перечисленных выше сочинениях мыслителя, который, «не отдавая себе в том отчете, все больше и больше приближался к пониманию добра, как оно, скорее интуитивно, чем рефлексивно, было явлено Достоевским в его последнем творении»⁴. В «Духовных основах жизни» Соловьев связывает свободу с верой в абсолютное начало добра; ту же связь мы обнаруживаем и у Достоевского, для которого высшая последняя свобода подразумевает скорее «волезрение», чем умозрение. Действительная свобода открывается в результате встречи «сердца человеческого с ищущей благодатью», для чего не требуется обязательно познание Бога. Рассматривая веру как «волезрение», Соловьев тем самым утверждает независимость Добра от познания Абсолютного и отстаивает человеческую свободу, поскольку «постижение абсолютных метафизических истин есть следствие добра как деятельной любви, есть результат усвоения человеком образа Христа как реального воплощения абсолютной любви»⁵.

В процессе богочеловеческом нравственно осуществляется не отдельная человеческая личность, но человечество в целом. Человечество, объединившись в свободном согласии, устремляет свои усилия к Божеству. «Окончательное условие истинного всечеловечества есть свобода. Но где же ручательство, задается вопросом В. Соловьев, что люди свободно придут к единению, а не разойдутся во все стороны, враждуя и истребляя друг друга? Ручательство одно: бесконечность души человеческой, которая не позволяет человеку навсегда остановиться и успокоиться на чем-либо частичном, мелком и неполном, а заставляет его добиваться и искать полной всечеловеческой жизни, всеобщего и всемирного дела»⁶.

Всечеловеческое заключает в себе полноту христианства, и только христианство «рядом с совершенным Богом ставит совершенного человека, в котором полнота Божества обитает телесно»⁷. Человеческая личность имеет безусловное значение, она причастна Божеству и имеет ту же «внутреннюю сущность жизни — всеединство — которую имеет и Бог», потому возможно ее соединение с началом абсолютным. Соловьев различает безусловность отрицательную и безусловность положительную. Первая, относящаяся к человеческой личности, гарантирует ее свободу от любых ограничений, провоцирует ее способность переступить «за всякое конечное, ограниченное содержание», а также ее неудовлетворенность и порождает требование полноты содержания. Всецелая полнота, принадлежащая Богу, есть положительная безусловность, и «без возможности ее отрицательная безусловность

⁴ Гессен С.И. Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф.М. Достоевского и В. Соловьева // *Современные записки*. Париж, 1931. № 45. С. 274.

⁵ Булгаков С.Н. Что дает современному сознанию философия Соловьева? С. 207.

⁶ Гессен С.И. Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф.М. Достоевского и В. Соловьева // *Современные записки*. Париж, 1931. № 45. С. 274.

⁷ Там же. № 46. С. 336.

не имеет никакого значения»⁸. Верить в возможность достижения человеком полноты бытия, всецелого содержания значит верить в Бога, «ибо Божество принадлежит человеку и Богу, с тою разницей, что Богу принадлежит оно в вечной действительности, а человеком только достигается, только получается, в данном же состоянии есть только возможность, только стремление»⁹.

В «Критике отвлеченных начал» Соловьёв обосновывает безусловный характер человеческой свободы. Человек представляется как безусловно существующее, самостоятельный субъект, настоящая причина всех своих дел и состояний, «поэтому он безусловно свободен: он свободен в Боге, ибо Бог есть не просто единый, исключаяющий всё другое, а всеединый, во всеединстве же каждый из элементов есть всё, то есть ничем не ограничен и, следовательно, безусловно свободен, — и он свободен вне Бога, ибо вне Бога он может быть только сам, Б»¹⁰. Соловьёв утверждает безусловную свободу человека не только от его природного начала, но и свободу по отношению к его божественному началу, так как, будучи становящимся абсолютным, человек сам является основанием собственного бытия. Божество определяет человека только идеально, определяет то, чем он становится, то есть содержание и цель его жизни. Но само это становление имеет свое основание в человеке. Сама эта свобода от божественного начала оказывается возможной только в силу причастности человеческой личности Божеству, в силу ее безусловного, вневременного характера, что и позволяет ей участвовать в своем становлении.

Высшая цель и назначение человека есть осуществление абсолютного Добра, укорененного в Божестве. Для Соловьёва реальный мир и мир идеальный отличаются не по существу, но по положению элементов, и источник мирового зла заключен в перестановке элементов. Восстановление должного порядка элементов будет означать «восстановление в состоянии добра всего, что существует в мире в состоянии зла». Добро укоренено в Боге, следовательно, «восстановление в состоянии добра» есть воссоединение с началом безусловным, возможное только для существ нравственно свободных, «имеющих возможность выбора и реально испытавших добро и зло». Но, прежде всего, человек должен уверовать в саму возможность осуществления добра, оно должно одержать победу в индивидуальном сознании.

Торжество добра в индивидуальном сознании «значит такое состояние сознания, когда, свободное от оков чувственности, оно имеет перед собой только дилемму добра и зла в их чистом виде, причем добро оказывает свое неотразимое действие на душу через посредство совести»¹¹. Свободным же от страстей может быть признан только тот, кто их имеет, но не обладаем ими.

⁸ Соловьёв В.С. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М., 1990. С. 306.

⁹ Там же.

¹⁰ Соловьёв В.С. Сочинения. Т. 1. С. 715.

¹¹ Булгаков С.Н. Что дает современному сознанию философия Вл. Соловьёва? С. 232.

Выше мы упоминали о влиянии Достоевского на творчество Соловьева. Интересным, на наш взгляд, представляется высказывание К. Мочульского по поводу этого влияния: «Соловьев очень своеобразно оценивает “дело” Достоевского: он берет у него только то, что близко ему самому, иллюстрирует его творчеством собственные идеи и проходит мимо важнейших тем Достоевского: личности, любви, свободы, зла, проблемы Великого Инквизитора; Соловьев и Достоевский встретились в одной точке: Церковь, как общественный идеал, — это была встреча двух светил, движущихся по разным орбитам»¹².

В этической системе Соловьева, получившей свое полное выражение в работе «Оправдание добра», вопрос о свободе как свободе выбора выносятся за границы сферы этической. Употребление понятия свободы Соловьевым оговаривается: «в настоящей книге, говоря о человеческой свободе, о свободе лица и т.д., я всегда буду разумею или свободу нравственную, которая есть этический факт, или свободу гражданскую, которая есть этический постулат, не возвращаясь уже к безусловной свободе выбора, которая есть только метафизический вопрос»¹³.

В «Критике отвлеченных начал» Соловьев исследует вопрос о свободе выбора «между различными желаниями и хотениями». Решить его он пытался, сочетая учения Канта и Шопенгауэра о свободе с собственной этикой всеединства. По мнению Е.Н. Трубецкой, попытка эта не может быть признана удачной: «От внимания Соловьева ускользнули, во-первых, глубокая разница в понимании свободы между Шопенгауэром и Кантом, а во-вторых — некоторые существенные неясности и трудности в учении последнего»¹⁴. Именно анализ кантовского учения о свободе приводит Соловьева, как считает Трубецкой, к мысли о том, что окончательное решение вопроса о свободе выбора находится в тесной связи с решением вопросов о свойствах умопостигаемого мира, потому и выходит за рамки чисто этического исследования. Если в «Критике отвлеченных начал» Соловьев не обособляет область нравственную от так называемой области «мета», то в «Оправдании добра» философ отстаивает независимость этики от религии и метафизики: «создавая нравственную философию, разум только развивает, на почве опыта, изначально присущую ему идею добра (или, что то же, первоначальный факт нравственного сознания) и постольку не выходит из пределов внутренней своей области, или, говоря школьным языком, его употребление здесь имманентно»¹⁵. В. Зеньковский находит в этом один из парадоксов этических построений Соловьева.

Как считает Е.Н. Трубецкой, система нравственной философии, изложенная в книге «Оправдание добра», скорее доказывает зависимость этики

¹² Мочульский К. Вл. Соловьев. Жизнь и учение. Париж, 1951. С. 133.

¹³ Соловьев В.С. Сочинения. Т. 1. С. 119.

¹⁴ Трубецкой Е.Н. Мирозерцание Вл. Соловьева. Т. 1. С. 138.

¹⁵ Соловьев В.С. Сочинения. Т. 1. С. 105.

от метафизики, а не наоборот. Ситуация выбора, как она была представлена в работах первого периода творчества Соловьёва, служила нравственному самоопределению человеческой личности, что отвергает Соловьёв — автор «Оправдания добра»: «безусловная свобода выбора существует, — но только не в нравственном самоопределении, не в актах практического разума, где искал ее Кант, а как раз на противоположном конце внутреннего мира»¹⁶. Соловьёв не исключает безусловную свободу, но она может проявиться, по его мнению, только в выборе зла, добро же не является предметом такого выбора по причине бесконечной полноты своего содержания. Здесь обнаруживается, как считает Зеньковский, еще один парадокс системы Соловьёва: этика совмещается с «разумно-идейным детерминизмом». Сам Соловьёв предвидел то недоумение, которое могло вызвать подобное «совмещение». Так, он различает три вида детерминизма: «механический, который, если бы он был единственным, действительно исключал бы нравственность, как такую; психологический, допускающий некоторые нравственные элементы, но плохо согласимый с другими, и разумно-идейный, дающий место всем нравственным требованиям во всей их силе и в полном объеме»¹⁷. Сущность идейно-разумной или нравственной необходимости состоит в том, что достаточным основанием или мотивом совершаемых человеком поступков служит «всеобщая разумная идея добра», действующая на человеческую волю в форме долга или категорического императива. Чтобы идея добра могла получить «силу достаточного основания», Соловьёв считает необходимым «соединение двух фактов: достаточной ясности и полноты самой идеи в сознании и достаточной нравственной восприимчивости в натуре субъекта»¹⁸. Нравственная философия, по Соловьёву, призвана просветлить сознание человека идеей добра, развить ее содержание, чтобы «ум представил воле» эту идею во всей ее полноте, и та детерминировала бы «сознательный выбор человека» в свою пользу. Тогда человек, достигший высокого уровня нравственного развития, сознательно подчиняет свою волю идее добра, вследствие всестороннего познания ее, и это подчинение есть не результат акта произвола, но продуманного сознательного действия. Такое действие может быть признано свободным, причем свободным именно потому, что наличествовала ситуация выбора. Нравственное требование (императив) сначала лишь выступает для человека как принуждающая внешняя необходимость, по мере же овладения его содержанием он перестает быть извне навязанным человеку, а становится внутренним достоянием, определяя человеческие действия изнутри как свободные. Выбор в данном случае состоит в том, что, осознав категорический императив и приняв его в качестве внутреннего установления, чело-

¹⁶ Соловьёв В.С. Сочинения. Т. 1. С. 117.

¹⁷ Там же. С. 111.

¹⁸ Там же. С. 116.

век волен как руководствоваться им в своих действиях, так и оставаться к нему безразличным, не совершая при этом ни добрых, ни злых поступков. Здесь присутствуют оба фактора, позволяющие идее добра служить достаточным основанием для определения сознательного выбора в его пользу. Этот выбор совершается свободно, но его свободе нельзя приписать безусловный характер.

Человеку, как настаивает Соловьев, изначально присуща восприимчивость к добру, если же она никак не проявляется, то причиной тому — иррациональная свобода, определяющая избрание зла. Невосприимчивость к добру при условии совершенного его познания может быть только иррациональным актом, удовлетворяющим «понятию безусловной свободы воли». Невосприимчивость к добру, основания которой («за» или «против») могут быть найдены «только в самых темных глубинах метафизики»¹⁹, выходит за пределы нравственной философии. Задача нравственной философии — раскрытие содержания идеи добра и того, что из нее следует, — «предполагается метафизическим вопросом о свободе воли, — пишет Соловьев, — а никак не зависит от него»²⁰. Свобода иррациональная есть зло и отрицание нравственности, согласно мысли Соловьева. Нравственность же, как и нравственная философия, «всцело держится на разумной свободе, или нравственной необходимости, и совершенно исключают из своей сферы свободу иррациональную, безусловную, или произвольный выбор»²¹. Таким образом, для Соловьева, как и для его предшественников, собственно нравственная свобода есть свобода разумная, а не безусловная, «падшая свобода, свобода вражды и распада, свобода хаоса и анархии»²².

Как мы уже отмечали выше, в работах первого периода Соловьев приближался к пониманию добра в духе Достоевского. Вера в добро, укорененное в Божестве, виделась ему следствием деятельной любви. Вера, понятая как «волезрение», приобретает освободительный характер, что указывает на существование неразрывной связи между добром, как этической категорией, и свободой. Человек, утверждает Соловьев, «не должен остановиться на первом шаге — сознании своего зла, но должен сделать второй шаг — признать сущее Добро над собой. И немного нужно здравого смысла, чтоб, чувствуя все зло в человеке, заключить к Добру, независимому от человека, и небольшое нужно усилие доброй воли, чтоб обратиться к этому Добру и дать ему место в себе. Ибо это сущее уже само ищет нас и обращает нас к себе, и нам остается только уступать Ему, только не противодействовать»²³. Укорененное в Божестве Добро не принуждает, а призывает, требуя усилия

¹⁹ Соловьев В.С. Сочинения. Т. 1. С. 118.

²⁰ Там же. С. 119.

²¹ Там же. С. 117.

²² Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 37.

²³ Соловьев В.С. Сочинения. Т. 2. С. 312.

человеческой воли, будучи при этом предметом свободного выбора человека. Человек совершенно свободен в решении — дать добру «место в себе» или нет, принять его или отвергнуть. Но концепция добра, развернутая в работе «Оправдании добра», написание которой приходится уже на третий период жизни Соловьёва, расходится не только с концепцией Достоевского, согласно которой только свободное добро есть подлинное добро, а необходимое добро уже добром не является, но она расходится и с собственными взглядами Соловьёва на этот предмет, изложенными в более ранних произведениях. Мы говорили уже, что в «Оправдании добра» Соловьёв отвергает прямую зависимость вопроса этического от вопроса метафизического и не признает, как в «Критике отвлеченных начал», зависимости осуществления нравственного начала в человеке от свободного выбора.

Совершенство или полнота добра выражается у Соловьёва в трех видах: как вечно действительное совершенство в Боге, как потенциальное — в человеческом сознании (идея) и в человеческой воле (норма и идеал), как исторический процесс совершенствования. Чтобы человек был способен получить от Бога совершенство, то есть стать «восприимчивой формой божественного содержания», он должен и в действительном опыте отделяться и очиститься от всего «несовместимого с этим совершенством». Человек должен проявить свою «способность и решимость к обладанию свободным совершенством». Одним из орудий совершенствования Соловьёв допускает зло, поскольку из него «можно извлечь» большее добро. Так, он определяет зло как «нечто служебное» и видит в нем «условие свободы, то есть большего добра». «Бог, — пишет Соловьёв в “Оправдании добра”, — допускает зло, поскольку, с одной стороны, прямое его отрицание или уничтожение было бы нарушением человеческой свободы, то есть большим злом, так делало бы совершенное (свободное) добро в мире невозможным»²⁴.

На наш взгляд, Соловьёв не был последователен в своем «идейно разумном детерминизме». В «Оправдании добра» он совмещает мысль об абсолютной необходимости «выбора» добра с мыслью о служебной роли зла на пути достижения свободного добра. То есть, с одной стороны, Соловьёв говорит о том, что «выбор» добра предопределен изначально в силу совершенной полноты его содержания, раскрыть которое индивидуальному сознанию — задача нравственной философии, и, следовательно, отпадает необходимость «прохождения» через опыт зла ради узнавания добра; с другой стороны, Соловьёв считает, что человеку необходим действительный опыт, позволивший бы ему «оценить» добро, тем самым допускается зло как этап на пути нравственного совершенствования человека. Соловьёву не только не удается последовательно провести принцип «разумного детерминизма» в своей этической системе, но и доказать возможность построения учения о добре вне связи с системой метафизики, в которой положительно

²⁴ Соловьёв В.С. Сочинения. Т. 2. С. 260.

решается вопрос о свободе воли. Этика неизбежно связана с метафизикой, и нравственной философии Соловьева присуща эта связь. В «Оправдании добра» Соловьев говорит о праве человека быть злым, безнравственным и совершать свободный выбор между добром и злом, поскольку в этом праве реализуется «принцип человеческого достоинства, или безусловное значение каждого лица»²⁵.

Личное достоинство человека выражается и воплощается в его отношениях с окружающим. Ограничивая себя от других, человек лишается своей безусловной ценности, ибо лицо «отдельно взятое», обладает безусловностью или бесконечностью только в возможности, которая становится действительностью лишь через внутреннее соединение каждого со всеми²⁶. Совершенное единение всех совершается в Божестве, но и на пути к Царству Божьему, к Абсолютному Добру человек должен действовать не в одиночку, но вместе со всеми. Бесконечное значение личности осуществляется в свободном и сознательном участии каждого в общем деле построения идеального общества — свободной теократии, — воплощением которого Соловьев считал Вселенскую Церковь.

Только Церковь, или Богочеловечество, «открывает человеку область положительного осуществления свободы, или действительного удовлетворения его воли»²⁷. Принцип Вселенской Церкви обеспечивает человеку внутреннюю полноту его свободы, которую каждый должен иметь в общественном целом, иными словами, обеспечивает восполнение каждого со стороны другого. Через приобщение к Богу, совершаемому в единстве с ближними при условии соблюдения их безусловных прав, человеческая личность получает действительную свободу. Общение с другими и с Богом, пополняющее конкретное человеческое существо, Соловьев рассматривает в качестве обязательного условия его существования и его свободы. В этом Соловьев обнаруживает бесспорное сходство в своих воззрениях с учением Хомякова о Церкви, как синтезе единства и личных свобод на основе любви к Всевышнему и ближним. Однако употребление Соловьевым термина «церковь», как считает А.Ф. Лосев, нуждается в оговорке. Под термином «церковь» у Соловьева надлежит понимать «некую целостность и всеохватность бытия ... всеединства, но только в таком идеальном состоянии, когда уже преодолеваются все несовершенства жизни, и человек приобщается или по крайней мере стремится к такому идеальному состоянию»²⁸. Но к концу жизни сам Соловьев утрачивает веру в свою теократическую идею, в ее историческое осуществление.

²⁵ Соловьев В.С. Сочинения. Т. 1. С. 347.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 510.

²⁸ Лосев А.Ф. Творческий путь Вл. Соловьева // Соловьев В.С. Сочинения. С. 13.

Литература

1. Бердяев Н.А. *Философия свободы. Смысл творчества*. М.: Правда, 1989.
2. Булгаков С.Н. Что дает современному сознанию философия Вл. Соловьева? // От марксизма к идеализму. СПб.: тип. Т-ва «Общественная польза», 1903.
3. Гессен С.И. Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф.М. Достоевского и Вл. Соловьева // *Современные записки*. Париж: Я. Поволоцкий, 1931. № 45. С. 271–306, № 46. С. 321–352.
4. Мочульский К. Вл. Соловьев. Жизнь и учение. Париж: YMCA-PRESS, 1951.
5. Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. СПб.: Книгоиздательское т-во «Просвещение», 1911–1914.
6. Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1990.
7. Трубецкой Е.Н. *Мирозерцание Вл. Соловьева*. Т. 1. М.: Товарищество тип. А.И. Мамонтова, 1913.

References

1. Berdyaev, N.A., 1989. *Filosofia svobody. Smysl tvorchestva* [Philosophy of freedom. Sense of creativity]. Moscow: Pravda.
2. Bulgakov, S.N., 1903. Chto daet sovremennomu soznaniyu filosofia Vl. Solov'eva? [What gives the philosophy of Vl. Solovyov to the modern consciousness?] In: *Ot marksizma k idealizmu* [From Marxism to idealism]. Saint Petersburg: tip. T-va "Obshchestvennaia pol'za".
3. Gessen, S.I., 1931. Bor'ba utopii i avtonomii dobra v mirovozzrenii F.M. Dostoevskogo i Vl. Solov'eva [The struggle of utopia and autonomy of the good in the views of F.M. Dostoevsky and Vl. Solovyov]. *Sovremennye zapiski* [Modern Notes], N 45, pp. 271–306, N 46, pp. 321–352.
4. Mochul'skii, K., 1951. *Vl. Solov'ev. Zhizn' i uchenie* [Vl. Solovyov. Life and ideas]. Parizh: YMCA-PRESS.
5. Solov'ev, V.S., 1990. *Soch.: v 2 t.* [Collected works]. Moscow: Mysl'.
6. Solov'ev, V.S., 1911–1914. *Sobr. soch.: v 10 t.* [Collected works] Saint Petersburg: Knigoizdatel'skoe t-vo "Prosveshchenie".
7. Trubetskoi, E.N., 1913. *Mirosozertsanie Vl. Solov'eva T. 1.* [Philosophy of Vl. Solovyov]. Moscow: Tovarishchestvo tip. A.I. Mamontova.